

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-249-252

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕХОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: ЭПОХИ, АВТОРЫ, ЖАНРЫ, ТЕМЫ»

2–3 ноября 2023 года в Пушкинском Доме в смешанном формате состоялась Международная научная конференция, посвященная переходным явлениям в литературе. Присущая им противоречивость и неоднозначность их понимания, как отметил во вступительном слове председатель оргкомитета конференции В. Е. Багно, могут быть осмыслены в свете идеи Д. С. Лихачева, высказанной в эссе «Два типа границ между культурами»: ученый полагал, что любая граница — это одновременно и «полоса общения», и «стена разобщенности». Точно такой же двойственной природой обладают, по мнению Багно, переходные явления культуры; поэтому при анализе их исследователи не всегда учитывают, что одни из них склонны акцентировать внимание на объединяющих факторах, вторые — на разделяющих, при том что и те и другие непременно присутствуют в любом переходном явлении.

Утреннее заседание открылось докладом Д. М. Буланина (Санкт-Петербург), где был поставлен вопрос о татарском элементе в том образе «священного царства», который конструировался московскими идеологами. В этой связи был рассмотрен известный эпизод царствования Ивана Грозного, когда в 1575 году он передал московский престол татарскому царю Симеону Бекбулатовичу. По мнению докладчика, загадочный поступок Грозного был связан с мероприятиями, направленными на сакрализацию царской власти. На основе предпринятого анализа Буланиным была предложена новая интерпретация адресованной Симеону Бекбулатовичу челобитной Ивана Грозного, которую надлежит понимать как памятник деловой письменности.

О поисках новых подходов в исследовании русских текстов о путешествиях докараминского периода рассказал А. Ю. Соловьев (Санкт-Петербург) в докладе «К эволюции русских литературных путешествий XVIII века». К таким подходам докладчик отнес, во-первых, изучение авторского начала, что было продемонстрировано на примере перевода А. Д. Кантемира «Письма одного сицилианца» (1726); во-вторых, анализ повествовательной конструкции «русский в Европе», включающей образ или позу авторского «я», декларируемое отношение путешественника к увиденному, а также способы его коммуникации с читателем.

Значительное влияние на развитие данной модели в середине XVIII века, по мнению докладчика, оказали теоретические высказывания о путешествиях. Наконец, были сформулированы предварительные замечания о таком аспекте эволюции путешествий, как стиль (эпистолярный, сатирический и т. д.).

Русский романтизм как проблему рассмотрел М. Н. Виролайнен (Санкт-Петербург). Исследовательница считает, что традиционный взгляд на романтизм как литературное направление, пришедшее на смену классицизму и сентиментализму и подготовившее переход к реализму, давно нуждается в пересмотре. Было показано, что большинство русских авторов 1820–1830-х годов, при всей разноречивости их суждений о романтизме, приняли концепцию Ж. де Сталь, видевшей в классицизме и романтизме две универсальные модели, которые соответствуют двум зрам, языческой и христианской, и описывают все обозримое историческое и географическое пространство европейской культуры от античности до современности. Не менее существенно и то, что классицизм и романтизм сосуществовали на равных не только в рамках общего литературного поля 1820–1830-х годов, но и в рамках творчества отдельных авторов. По мнению докладчицы, «романтическая культура развивалась в России до тех самых пор, пока действительными оставались принципы классицизма». Обе эти культуры, по ее мнению, отличались общим качеством: «они создавали суверенные художественные миры и потому вместе ушли со сцены, когда автономия таких миров перестала цениться и литература начала искать прямые выходы к реальности».

О необходимости вернуть дискурс о романтизме в тот контекст, в котором литературное направление возникало и осмысляло себя, но уже на европейском материале в его английском, немецком и французском изводе, был и доклад Е. Е. Дмитриевой (Москва / Санкт-Петербург) «Европейский романтизм как переходная эпоха», где было продемонстрировано, насколько это довольно расплывчатое понятие, впоследствии утвердившееся в истории и в периодизации литературы конца XVIII — начала XIX века, противоречиво накладывается на реальное положение вещей. В этой связи Дмитриева привела ряд фактов английской

и французской литератур, наглядно свидетельствующих о всей сложности и неоднородности явлений и процессов, имевших место на рубеже XVIII–XIX веков, а также отметила, что самый поразительный случай представляет собой немецкий романтизм, парадокс которого заключается в том, что у создателей романтической эстетики, йенских романтиков (Ф. Шлегель, Новалис), которым важно было обозначить начало новой эпохи в ее полярности с предыдущей, неясное и только еще вводимое в эстетический оборот слово «романтический» стало постепенно обретать четкие контуры именно через со- и противопоставление с предшествующей литературой с ее нормативной эстетикой, ориентированной на античные образцы. Это противостояние современно-романтической (*modern-romantischer*) и антично-классической (*antik-klassischer*) поэзии и стоит в центре программных текстов Шлегеля. Впрочем, скоро стало понятно, что то, что мыслилось поначалу как оппозиция, легко могло перерасти в симбиоз, как это было в случае с Гете.

А. В. Волков (Санкт-Петербург) представил свое сообщение «Я. А. Галинковский и смена переводческих ориентиров в начале XIX в.», в котором обратился к наследию полузабытого литератора рубежа XVIII–XIX веков, издателя и единоличного автора журнала «Корифей, или Ключ литературы». По мнению Волкова, высказывания о переводе в «Корифее» и других публикациях Галинковского, а также образцы выполненных им самим переводов при всей своей спорадичности выстраиваются в довольно последовательную систему. Он одним из первых выступил против широко распространенной в то время практики переводов с французских текстов-посредников. Его деятельность отмечена печатью экспериментарства. Среди его переводов есть дословные, которые могут восприниматься только в неразрывной связи с подлинником, и прозаические, призванные выполнять ознакомительную функцию, и стихотворные «подражания», отличающиеся, тем не менее, значительной близостью к оригиналу. Особенного внимания заслуживает осуществлявшееся Галинковским внедрение в переводы белого стиха (ямба и гекзаметра). Находясь в стороне от литературной борьбы, погруженный в самодовлеющие учебные и литературные занятия, этот малоизвестный писатель в некотором смысле невольно опередил свое время.

Утреннее заседание завершилось докладом, поднявшим фундаментальные теоретические вопросы и с принципиально иной перспективой рассмотревшим проблему переходных эпох. И. Э. Васильева (Санкт-Петербург) в выступлении «Роль адресата в динамике литературного процесса (Стратегии и опыт читательского сообщества в XIX – I пол. XX в.)» проанализировала этапы развития литературного поля обозначенного периода в проекции читателя и обрисовала внутреннюю логику этого процесса, сопоставив ее с традиционным осмыслением изменений литературного поля в проекции ав-

тора. Исследовательница пришла к выводу о том, что в логике исторического движения автора и в логике исторического движения реципиента можно констатировать зеркальность противоположенных стратегий: в проекции автора литература стремится элиминировать читателя, чтобы сохранить за собой доминантный статус, в проекции же реципиента читатель готов элиминировать сам литературный текст и довольствоваться собственной креативной активностью. Однако существовавшие на протяжении полутора веков иерархические отношения между авторской и читательской инстанциями литературного поля перестают быть релевантными во второй половине XX века, и именно тогда в проекции реципиента завершается определенный цикл развития литературного поля и культура входит в переходный период поиска новых типов взаимоотношений между словом и заинтересованными в нем субъектами.

О готовящейся новой «Истории русской литературы» для итальянской аудитории рассказал один из ее авторов Стефано Гардзонио (Италия). Докладчик обозначил специфику презентации русского историко-литературного процесса иностранному читателю и те вопросы, которые встают особенно остро при написании истории русской литературы именно как иностранной: в частности, указал на различные в двух академических традициях типологические интерпретации главных литературных эпох, на неоднородные явления, уклоняющиеся от классификаций и т. д. Отдельно Гардзонио охарактеризовал период 1790–1825 годов и выделил также, среди прочего, те фигуры и явления, трактовка которых представляет для историка литературы определенную трудность или которые вообще нечасто становятся предметом подробного описания в историях литератур.

В сообщении «Литературный дом: между салоном и кружком (1830–1840-е гг.)» А. Г. Гродецкая оспорила возможность применения категорий как салона, так и кружка к родственно-дружескому кругу семьи Майковых, который относится, на ее взгляд, к феномену литературного дома. Отметив исторически характерные особенности салонной культуры, с одной стороны, и деятельности литературных кружков, с другой, Гродецкая предложила распространить понятие литературного дома как явления переходного, сочетающего элементы угасающей салонной традиции и сформировавшейся кружковой, на ряд литературных сообществ 1830–1840-х и более поздних годов, к каковым отнесла дома Аксаковых, А. П. Елагиной, М. Д. Ховриной, Е. П. Ростопчиной, Н. Ф. и К. К. Павловых, семьи Воткиных и ряд других.

К проблеме особенностей переходного периода конца 1880-х — начала 1890-х годов обратился А. Д. Степанов (Санкт-Петербург). На примере крупнейшего из «переходных» авторов А. П. Чехова, его авторефлексии о собственном творчестве, а также постепенно изме-

нящейся в своем отношении к его произведениям критики докладчик показал, что, по его мнению, происходившие в это время перемены были обусловлены прежде всего внутрилитературными процессами «автоматизации» реалистических установок, что приводило к констатации кризиса реализма со стороны критики и одновременно к признанию этого положения вещей со стороны молодого поколения литераторов. Однако внешние приметы «кризиса» являлись в то же время и предвестием сдвига культурной парадигмы, что могли опознать и оценить только представители следующего литературного поколения, такие как Д. С. Мережковский и А. Белый.

В сообщении О. В. Макаревич (Санкт-Петербург) «О фантастических красотах, экзотическом колорите и эстетических ожиданиях „группоблик“ (легенды и их критика в конце XIX столетия)» рассматривалась легенда как жанр переходной эпохи. В литературном поле в этот период сосуществовали две равноправные художественные инвенции: на одной чаше весов оказалась реалистическая легенда с ее мистическим колоритом (А. В. Амфитеатров, В. П. Буренин, А. С. Суворин), на другой — модернистская легенда, ориентированная на «утонченного» читателя. Анализ критической и переводческой рецепции текстов, а также сопоставление «переложений» одного сюжета разными авторами позволили исследовательнице показать новаторский характер легенд Н. С. Лескова и переведенных И. С. Тургеневым легенд Г. Флобера.

Доклад И. В. Аршиновой (Санкт-Петербург) был посвящен своеобразному «диалогу» выступлений, имевших место на заседаниях Англо-русского литературного общества в 1917–1920 годах и являющих собой выразительный пример рецепции русской литературы конца XIX — начала XX века. Ретроспективное выстраивание русской культурной панорамы рубежа веков русским эмигрантом (З. Превым) и английским переводчиком и литератором-любителем (Ф. П. Марчантом) на излете осмысливаемой эпохи и в непосредственном контексте переживаемых Россией и всей Европой беспрецедентных социокультурных потрясений было проанализировано по опубликованным материалам «изнутри» этого диалога и в ряду известных текстов — источников транслируемых идей.

Заключительное заседание конференции было открыто сообщением В. Е. Багно (Санкт-Петербург) «Ветер перемен в литературе: Замутненное „там“ и неповторимое „здесь“». По мнению исследователя, русская литература прошла длительный путь «присвоения, усвоения и, что самое продуктивное, освоения инациональных культур». Этот тезис Багно раскрыл на материале русского модернизма, заметив, что, как и во все другие эпохи, речь шла не о Западе Западной Европы, а о «русском» Западе, том, который, по убеждению Достоевского, был второй родиной каждого русского.

Продолжая тему предыдущего доклада, Т. В. Мисникевич (Санкт-Петербург) также об-

ратилась к диалогу европейской (в качестве транслирующей) и русской (в качестве воспринимающей) культур в конце XIX века и особенно подробно остановилась на анализе процесса «перекодировки» французского натурализма на раннем этапе становления модернизма в России.

И. П. Смирнов (Германия) выступил с темой «Конец авангарда». В своем рассуждении докладчик исходил из посыла, что любая эпоха в истории культуры переходна в силу того, что покоится на противоречии, которое может быть подвергнуто отрицанию только извне — со стороны вновь нарождающегося периода. Противоречие же, лежащее в основе постимпериалистского авангарда, по его мнению, заключалось в том, что эта диахроническая система пыталась заново инициировать всю культуру, будучи на деле лишь одним из этапов ее развития. Начало понималось в авангарде как уже конец (всего предшествующего творчества), а конец (знаменующий выходом на историческую сцену самих авангардистов) как удаляющийся в инфинитность.

После сообщения А. П. Христенко (Санкт-Петербург) «Орнаментальная проза как феномен переходного времени: „неоднозначность“ послереволюционной действительности в романе Ю. К. Олеси „Зависть“» прозвучал доклад А. В. Сысоевой (Санкт-Петербург) «Психологизм „живого человека“: (псевдо)дискуссия 1930 г. в РАПП», в рамках которого исследовательница осветила прения о путях развития литературы. Содержание выступлений оппозиции, заявлявшей несогласие с выдвинутыми руководством РАПП творческими лозунгами, свидетельствовало о поддержке лозунгов психологизма и «живого человека». В то же время уточнение оппозицией того, какой психологизм нужен пролетарской литературе, превращало его в свою противоположность. В дальнейшем же обе позиции были признаны ошибочными и психологизм как вариант развития литературы оказался отвергнут.

О методологических проблемах, с которыми сталкиваются исследователи в попытках осмыслить переходный период конца XX века, в завершение конференции рассказал Д. К. Баранов (Санкт-Петербург). Большая часть проблем, по его убеждению, связана с тем, что весь объем художественной продукции 1990-х годов еще довольно плохо освоен научным сообществом, кроме того, у исследователей нет четких критериев для определения наиболее показательных авторов сложившейся деиерархизированной культуры. Тем не менее в своем выступлении Баранов предпринял попытку суммировать существующие в науке воззрения на социокультурные и поэтологические тенденции, актуальные для литературы конца XX века.

За финальным докладом последовало обсуждение, которое не только подытожило работу конференции, но и определенным образом подвело символическую черту под трехлетним проектом по изучению переходных эпох в истории русской литературы, в рамках которого

работали и некоторые из участников прошедшей конференции.

Подытоживая, можно с уверенностью сказать, что этот научный форум в очередной раз показал, что, несмотря на дискуссионный характер самого понятия переходности, оно спо-

собно предоставить основание для продуктивного диалога исследователям из самых разных областей литературоведческого знания, и в этом состоит одно из его достоинств.

© *И. В. Аршинова*

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-252-256

XXVII НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

9 ноября 2023 года прошли XXVII Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома. Первое заседание было посвящено 205-й годовщине со дня рождения И. С. Тургенева. После пересечения в 2018 году временной черты, отдалившей нас от 9 ноября 1818 года двумя столетиями, каждые следующие пять лет в литературном хронографе круглых дат становятся памятной вехой, отмеченной итогами научной работы тургеневской научной группы Института русской литературы РАН над Полным академическим собранием сочинений и писем. Трудно переоценить роль в этом процессе Рукописного отдела — одного из основных хранилищ творческих материалов, автографов и эпистолярных документов, касающихся непосредственно Тургенева и литературной рецензии его произведений. Аббревиатура ИРЛИ, принятая для списка архивохранилищ, вобравших в себя корпус наследия Тургенева, — непреложная составляющая научного аппарата томов, подготовленных в стенах Пушкинского Дома. Со времени первых научных тургеневедческих публикаций из фондов Института сотрудничество исследователей с Рукописным отделом осуществляется в разнообразных формах — от организации выставок и научных конференций до проведения фестивалей и концертных программ.

Ученые, работающие с архивными подлинниками, знают, как важно разместить документ в контексте, всесторонне раскрывающем его историко-литературный статус. Сведение разнообразных источников к одному и тому же литературному событию — непростая задача, подчас требующая возвращения к уже введенным в научный оборот архивным источникам. Первостепенное значение для исследовательских стратегий такого рода сохраняется за возможностью работать с документами не только отечественных, но и зарубежных архивов. Всестороннее знание о корпусе авторских рукописей — необходимость, которая далеко не всегда реализовалась прежде — и теперь остается не менее актуальной. В этом смысле вспоминаются такие прецеденты сотрудничества архивных фондов, в результате которых, например, в Рукописный отдел ИРЛИ из Национальной

библиотеки Франции передавались микрофильмы с автографами Тургенева. Содержание первого заседания Чтений напрямую касалось круга профессиональных задач, обусловленных работой тургеневедов с архивными источниками и, в частности, с вышеозначенной проблемой.

Тема доклада Н. П. Генераловой (Санкт-Петербург) «Недостающее звено в истории одного предисловия Тургенева (Залежавшееся письмо Шарля Эдмона к И. С. Тургеневу)» возникла в результате пересмотра атрибуции эпистолярного документа, открывшего новый ракурс на, казалось бы, достаточно изученный биографический сюжет, касающийся участия писателя в подготовке публикации автобиографического очерка И. Я. Павловского «В одиночном заключении (Впечатления нигилиста)» в парижской газете «Le Temps» за 1879 год. Реальный контекст, тесно связанный с отношением Тургенева к революционному движению, в сжатом виде раскрыт Генераловой на подступах к основному объекту исследования — хранящемуся в Национальной библиотеке Франции письму Ш. Эдмона (псевд. К.-Э. Хоецкого; 1822–1899), одного из редакторов «Le Temps». Его адресатом, скрытым за обращением «Mon cher ami», первоначально считался Луи Виардо, ввиду чего содержание этого эпистолярного документа до сих пор не привлекло внимания тургеневедов. Догадка о том, что настоящим корреспондентом Эдмона являлся не кто иной, как Тургенев, позволила восстановить причинно-следственные связи в цепочке событий, предшествующих появлению очерка Павловского во французской прессе. Существенные дополнения и штрихи к конкретному эпизоду биографии Тургенева в аудитории конференции получили признание как значительный с точки зрения аналитической работы с архивными материалами исследовательский опыт; прозвучали также вопросы, касающиеся контактов писателя с французскими литераторами.

В докладе В. А. Лукиной (Санкт-Петербург) «Кто же такая „Катерина Владимировна“? (Из истории пребывания Тургенева в Карлсбаде в 1875 году)» был вновь поднят вопрос об адреса-

[Рец. на:] А. М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / Отв. ред. О. А. Клиг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 298 с.

[Review:] A. M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsiokul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve / Otv. red. O. A. Kling. M.: IMLI RAN, 2023. 298 s.

Олег Ефимович Осовский

профессор кафедры иностранных языков № 1
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

Oleg Efimovich Osovskii

Professor, Chair of Foreign Languages No. 1,
Plekhanov Russian State University of Economics

ORCID: 0000-0002-9869-3233

osovskiy_oleg@mail.ru

**М. М. БАХТИН, МОДЕРНИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ:
НОВАЯ КНИГА О РУССКОМ МЫСЛИТЕЛЕ**

**M. M. BAKHTIN, MODERNISM AND CONTEMPORANEITY:
A NEW BOOK ON THE RUSSIAN THINKER**

[Рец. на:] Understanding Bakhtin, Understanding Modernism / Ed. by P. Birgy. New York: Bloomsbury Academic, 2024. 291 p. (Bloomsbury Series on Understanding Philosophy, Understanding Modernism).

[Review:] Understanding Bakhtin, Understanding Modernism / Ed. by P. Birgy. New York: Bloomsbury Academic, 2024. 291 p. (Bloomsbury Series on Understanding Philosophy, Understanding Modernism).

Ирина Владимировна Аршинова

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Irina Vladimirovna Arshinova

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5947-3935

ivarshinova@gmail.com

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПЕРЕХОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ:
ЭПОХИ, АВТОРЫ, ЖАНРЫ, ТЕМЫ»**

**TRANSITIONAL PHENOMENA OF LITERATURE:
EPOCHS, AUTHORS, GENRES, THEMES
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

[Meeting Abstract]